

УДК 340.1(075.8)

А.Б. Лепешко*аспирант каф. теории и истории государства и права
Белорусского государственного университета***К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В статье анализируются категории «действие права» и «правовой конфликт», выявлены их существенные черты, охарактеризовано то место, которое занимают данные категории в феноменолого-коммуникативном подходе. Рассматриваются некоторые аспекты механизма правового регулирования социально-правовых отношений, формулируются выводы о значении коммуникативного подхода в системе методологии права в частности и теоретического знания в целом.

Первоначально следует определиться с категорией «действие права» – предельно широкой категорией для рассматриваемого контекста правовых явлений. Первое, что надо отметить: как и иные смыслообразующие категории, данная дефиниция формулируется в зависимости от понимания сущности права. Это предопределяет достаточно широкий спектр мнений относительно понимания сущности понятия «действие права». Например, различные школы естественного права вообще отказывают данной категории в праве на жизнь. И это понятно, так как если исходить из того, что естественное право существует всегда, везде, обладает такими совершенными характеристиками, как неизменность, независимость от сознания и действий субъекта, то о каких правовых действиях, каком действии права (в частности) можно вести речь? Действие права имеет место тогда, когда оно развивается, совершенствуется, когда мы можем говорить о взаимном влиянии теории и практики, словом, если речь идет в первую очередь о социологическом правопонимании. Но не только: например, В.И. Гойман в монографии «Действие права (методологический анализ)» формулирует понимание данной категории в системе интегративной концепции права. По его мнению, специфика данной категории заключается в четырех аспектах. Первый состоит в неразрывной связи между фактическим содержанием права и его юридической формой. «Действие права в указанном смысле есть способ разрешения противоречий между юридически должным и сущим в праве, между назревшими потребностями в признании новых правовых возможностей и юридически официальным их признанием» [1]. Далее, чрезвычайно важен тот аспект, который связан с «переходом юридически должного в сущее, в юридическую практику. Действие права, таким образом, отражает движение правового на всех участках правового пространства – как от нормы к практическим действиям, так и воплощение сущего в юридически должном». Третий аспект связан с демонстрацией активности права, его социальной энергии, формой и средством участия в жизни общества. И четвертый аспект – это «отображение непрерывного движения права в социальном пространстве, процесс опредмечивания им социальной деятельности и придания ей вследствие этого юридически правомерного характера» [1, с. 45]. Отсюда и соответствующее понимание категории «действие права», связанное с его способностью оказывать информационное и ценностно-мотивационное воздействие на личность и сообщества людей, обеспечить соответствующий характер их деятельности. Следует заметить, что в классическом правопонимании категория «действие права» упоминается и применяется редко, а речь идет чаще всего о «механизме правового регулирования»

Научный руководитель – И.Л. Вершок, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета

(профессор А. Малько) [2, с. 621–676], о «механизме правового регулирования и его структуре» (профессор А. Вишневский) [3, с. 482–495], о «реализации права» (профессор С. Дробязко) [4, с. 336–350].

Коммуникативный подход включает категорию «действие права» в систему важнейших дефиниций, более того, придает ей приоритетное значение, поскольку речь идет именно о «живом» праве, то есть о праве постоянно меняющемся, развивающемся, в рамках которого динамика развития правовых явлений может иметь более важное значение, чем их, явлений, догматический («вечный») характер. Один из разделов труда А.В. Полякова «Общая теория права» так и называется: «Действие права (пространство правовой коммуникации)». Действие права здесь раскрывается через понятие правовой системы и означает его (права) системное функционирование, что уже означает возникновение социально-правовой коммуникации. Данный процесс имеет место всякий раз, «когда существующие правовые тексты в результате информационно-ценностного воздействия и последующей легитимации интерпретируются социальными субъектами как побудительные, «порождающие» субъективные права и обязанности и вызывающие нормативные правовые отношения, т.е. пассивное или активное правовое поведение в соответствии с правами и обязанностями» [5, с. 597]. Этот тезис получил свое логическое развитие в работе, написанной через несколько лет А.В. Поляковым совместно с Е.В. Тимошиной, причем достаточно интересно сравнить, как развивается данная мысль. Ученые, подчеркивая роль субъективного фактора в развитии права, неоднократно замечают, что действие права всегда предполагает деятеля: за любыми правовыми действиями всегда стоит субъект. Но это в целом аксиоматично для коммуникативного подхода. Для нас представляет интерес последовавшая конкретизация этого положения, та «расшифровка», которая носит методологический характер. Основной тезис здесь выглядит следующим образом: «Действие права имеет место тогда, когда существующие правовые тексты в результате информационно-ценностного воздействия интерпретируются и легитимируются социальными субъектами». «При этом порождаются субъективные права и обязанности, которые вызывают нормативные правовые отношения» [6, с. 261]. То есть налицо своего рода парафраз ранее высказанной мысли. Но есть и нюансы. Основная смысловая цепочка носит теперь следующий вид. Действие права означает непрерывный процесс возникновения, изменения, прекращения старого и создания нового в рамках межличностных правовых коммуникаций. Это системный процесс, причем это интегративный процесс, где учитывается весь возможный спектр явлений, влияющих на формирование и развитие права. Далее, мы имеем в этом процессе все известные методологические постулаты коммуникативного подхода, связанные, в частности, с приоритетом ценностного, аксиологического подхода, с главенствующей ролью интерпретационных процессов, с подчеркиванием важности именно «действующего права» (впрочем, как полагают авторы коммуникативного подхода, «недействующего» права вообще не существует). Кроме того, «сосуществование» в рамках правовой системы как государственного, так и социального права (формулировка авторов коммуникативного подхода – А.Л.) не может быть охарактеризовано в категориях логического соподчинения. То есть социальное право вовсе не обязательно «полностью подчиняется» праву государственному – здесь присутствует диалог, противоречие, часто конфликт. Принципиально и то, что рассмотренная таким образом правовая система не может быть объяснена исключительно рационалистически. Здесь, прибегая к категориям синергетики, авторы коммуникативного подхода утверждают возможность «управляемого хаоса», непредсказуемого развития, говорят о точках бифуркации и иных важнейших категориях современных синергетических, феноменологических и иных теорий. Правовая система, по мнению авторов коммуникативного подхода, есть именно синергетическая система, причем в ней целесообразно выделить ин-

формационный и деятельностный аспект. Выражением сущности второго аспекта и является прежде всего категория «действие права».

Несложно заметить, что по своему объему категория «действие права» у авторов коммуникативного подхода шире, чем категория «правовое регулирование». Такого рода «широта» достигается преимущественно за счет предельно развернутого толкования базисных категорий теории, появления и конституирования в правовом поле таких дефиниций, как «коммуникация», «интерсубъективность», «текст», «синергетика» и т.д. Следует попутно подчеркнуть, что подходы, реализуемые теми авторами, которые принимают и обосновывают категорию «действие права», различны. Скажем, упоминавшийся выше В.И. Гойман делает акцент на сугубо рационалистических оценках и категориях, а вот авторы коммуникативного подхода чаще апеллируют к знанию постнеклассического характера, допускающего и внерационалистические толкования.

Представителями коммуникативного подхода разрабатывается и механизм правового регулирования, причем особо выделяется категория «правовой конфликт», о котором упоминалось ранее в иной смысловой транскрипции. В чем же заключается специфика понимания правового конфликта в рамках коммуникативного подхода? Первая такая особенность заключается в том, что конфликт неразрывно связан с процессом коммуникации, он может быть рассмотрен и как помеха коммуникации, и как средство, способствующее коммуникации. А.В. Поляков и Е.В. Тимошина в работе «Общая теория права» отмечают: «Конфликт всегда предполагает какой-либо вариант его коммуникативного разрешения» [6, с. 263]. Деструкция, асоциальные действия, к слову, не предполагают коммуникации; это разрыв коммуникационных связей, поэтому всякий раз, когда мы говорим о возможности правовой коммуникации, мы утверждаем возможность правового консенсуса. И это понятно, поскольку коммуникативное разрешение конфликта – это вариант исполнения правовых обязанностей.

Вторая особенность связана с «коммуникативным» пониманием классической для права максимы – борьбы за право. Борьба за право – это не только констатация борьбы интересов и выражение этой борьбы в праве. Понятие «конфликт» шире, чем понятие «борьба интересов», причем собственно борьба не связана исключительно с социально-правовым контекстом. Право, заметим, основывается не только на самообязывании, как мораль, не только на силе государственного принуждения, но и на психическом принуждении к определенным действиям. Речь идет не о насилии, а о моральном, психологическом принуждении к тем или иным поступкам. Причем конфликты интересов настолько разнообразны, их границы настолько широки и смутно очерчены, что ограничить интересы субъектов права исключительно рациональным путем невозможно. Как невозможно ограничить их интересы и исключительно нормативным путем. Здесь мы вновь можем констатировать методологический акцент адептов коммуникативного подхода на интегративные идеи, выдвижение и обоснование синергетических, феноменологических, герменевтических постулатов. В частности, «внерациональность» подходов к пониманию сущности и причин правовых конфликтов имеет именно такой характер. Борьба за право здесь – достаточно широкая максима, связанная не только с борьбой правового, экономического, в целом социального характера, но и с борьбой психологической, даже биологической. Здесь проявляется известный методологический прием сторонников коммуникативного подхода, сопряженный с попыткой интегративного рассмотрения всех известных и авторитетных теорий, «примирения» различных теоретических позиций, попыткой прийти к консенсусу как основному принципу теоретизирования.

Действие права априори связано с социально-правовым регулированием, целенаправленным воздействием на поведение людей. Нельзя сказать, что авторы коммуникативного подхода уделили особое внимание этой проблеме, многое уже разработано в пра-

вовой литературе. Скажем, понимание характера и сущности человеческого поведения, типология социального регулирования как атономного и гетерономного и т.д. Так, например, об этом пишет С.Г. Дробязко [4, с. 336–362]. Вместе с тем общие методологические положения коммуникативного подхода «формулируют» и специфическое понимание проблем социально-правового регулирования. В целом эти подходы можно свести к трем тезисам.

Первый: социальное поведение имеет коммуникативную направленность. Это значит, что поведение в праве «может проявляться не только во внешних телесных движениях, но и в таких актах коммуникации, как признание или непризнание правовых норм» [6, с. 267]. Кроме того, феноменологический акцент означает, что далеко не все, что делает человек, является собственно «человеческим действием». Здесь присутствует и понимание иерархии целей и идеалов, и представление о том, «как все должно быть». То есть человеческая деятельность имеет очень сложный характер, ее нельзя свести исключительно к «прямому действию», поскольку в нее может быть «включена» и идеальная деятельность. На практике это означает, что важно не просто фиксировать и оценивать конкретное отношение к правовым явлениям, выражаемое в действиях разного порядка, но и учитывать сопутствующие идеальные факторы (целеполагание, иерархию ценностей, представление о должном и т.д.). Любое поведение человека является коммуникацией: что бы человек ни делал, он не может быть вне коммуникации. Даже молчание есть коммуникация, даже бездействие есть коммуникация. Увидеть в этих и подобных явлениях правовой контекст не только возможно, но и обязательно, полагают авторы коммуникативной теории.

Второй тезис связан с возможностью неоднозначного толкования сущности, специфики правового регулирования и, соответственно, наличия различных моделей правового регулирования. Заметим сразу же, что сама возможность такого рода неоднозначности связана с теоретическим протестом против понимания регулирования как целенаправленного воздействия на общественные отношения, прежде всего со стороны государства. Право не сводится к установленным государством правовым текстам, а раз это так, то и правовое регулирование может пониматься в нескольких смыслах. Исходя из этого, наряду с распространенным этатистским пониманием правового регулирования (государство регулирует правовые отношения с помощью правовых норм, актов), авторы коммуникативного подхода выделяют телеологическое правовое регулирование и правовое регулирование в функциональном смысле. Под правовым регулированием в телеологическом смысле понимается «целенаправленное текстуальное (информационно-ценностное) правовое воздействие на субъектов правовой коммуникации, вызывающее их ответное поведение, адекватное соответствующему тесту». Следовательно, есть некие цели и есть реакция на реализацию этих целей правовыми средствами. А под правовым регулированием в функциональном смысле «следует понимать ориентацию поведения субъектов правовой коммуникации на ее нормативные условия» [6, с. 270]. Такого рода разделение, такого рода дифференциация необходима авторам коммуникативного подхода для обоснования мысли о многообразности правовых текстов и, соответственно, каналов, путей правового регулирования. То есть правовое регулирование осуществляется через текстуальные источники права, через тексты реализации права, юридическую практику, а также через тексты правовой культуры, правовую идеологию, правовую политику и т.д. (Здесь мы не комментируем сущность понятия «текст», имеющего у авторов коммуникативного подхода расширенное толкование в духе феноменологической и герменевтической традиции).

Третий тезис адресован проблеме предмета правового регулирования. Традиционному подходу, связанному с пониманием предмета правового регулирования либо как общественных отношений в целом, либо как поведения субъекта, противопоставля-

ется «третий путь», связанный с интегративным подходом. Это путь, основанный на «снятии» противоречий, «примирении» имеющихся точек зрения и формулировке в итоге «интегрированного» определения. Как полагают сторонники коммуникативного подхода А. Поляков и Е. Тимошина, право воздействует на конкретного человека (субъекта), однако понятно и иное: именно поведенческие акты лежат в основе общественного отношения; то есть надо учитывать и одно (субъект), и другое (общественные отношения). «Поэтому не будет ошибкой утверждать, что предмет правового регулирования – это общественные отношения, составной частью которых является поведение субъектов социального взаимодействия (коммуникации)» [7, с. 271]. Заметим, что здесь вновь наглядно проявляются основные посылы «коммуникативной» методологии: стремление «интегрировать» все возможные точки зрения и рассмотреть их в пределах компетенции теории коммуникации.

Собственно механизм правового регулирования также нуждается в изменениях «коммуникативного» характера, причем эти изменения основываются на скрытой (а часто и открытой) полемике с этатистской концепцией. Причем рассматриваемый традиционно механизм действия права (правовые нормы – юридические факты – правовые отношения – правоприменительные акты) дополняется рядом принципиальных соображений. Так, первая стадия правового регулирования – это не формирование (конституирование) правовой нормы (как принято считать в традиционном, этатистском праве), а правовое моделирование. Квалифицируется это как создание «текстуальных правовых моделей». Конечно, государству здесь принадлежит ведущая «легитимирующая» роль, однако важно то, что в этом процессе активно участвуют и иные субъекты: физические и юридические лица, социальные, общественные структуры и т.д. На этом первом этапе имеет место «информационная коммуникация», интеллектуальное конституирование правовой нормы, создается первичная, виртуальная правовая норма. Сторонники коммуникативного подхода говорят и о «когнитивной правовой норме», под которой понимается «норма, существующая в социальном сознании и представляющая собой результат интерпретации и легитимации соответствующих текстов культуры, информирующих субъектов о должном» [6, с. 275–276]. Далее (в русле герменевтической традиции) должно последовать и следует «понимание как актуальная социальная норма». Это уже некое правило поведения, осмысленный результат коммуникации. И как итог первой стадии – легитимность правовой нормы; средством же легитимации выступает политическая система, общественное мнение, этические кодексы и т.д. А вот на второй стадии правового регулирования устанавливаются так называемые общие правовые отношения, которые вытекают из правовой нормы. Есть и третья стадия, суть которой в переходе правовых отношений в активную форму, когда субъекты правоотношений используют свои права, обязанности и т.д. Подытоживая анализ механизма действия права на упомянутых трех стадиях, сторонники коммуникативного права выделяют пять основных моментов, которые очень кратко можно сформулировать следующим образом. Это интерпретация субъектами права правовых текстов; конституирование правовых норм, прав и обязанностей; порождение правовых связей между субъектами, формирование правовых отношений; возникновение правовых отношений, их изменение, прекращение и т.д.; коррекция первичных правовых текстов при помощи вторичных правовых текстов, опосредующее влияние на этот процесс правосознания субъектов права.

Какие первичные выводы можно сделать, оценивая приведенные соображения по проблемам, связанным с действием права и механизмом правового регулирования? Вначале следует заметить, что авторы коммуникативного подхода достаточно последовательны, то есть данная (рассмотренная выше) проблематика соответствует основным методологическим постулатам. Ощущается стремление реализовать основные идеи

правовой герменевтики, феноменологии, синергетики, а в более общем виде – интегративного подхода в рамках исследуемых проблем. Вне сомнений, подобная форма теоретизирования позволяет в ряде случаев по-новому рассмотреть (пересмотреть) имеющиеся идеи, высказать ряд принципиально новых мыслей, о которых несколько ниже. Отметим лишь предварительно, что полемика здесь присутствует в латентном виде, она явно не на первом месте среди авторских приоритетов; более того, постоянно присутствует желание примирить имеющиеся точки зрения, найти удовлетворяющее все стороны теоретическое решение. Насколько это возможно – иной вопрос, поскольку речь идет о принципиально иной методологии, вступающей в явное противоречие с традиционными подходами. Как оценить, например, такой посыл: «Правовые тексты (текстуальные источники правовой информации) интерпретируются субъектами права и конституируют в процессе социальной легитимации когнитивные (виртуальные) правовые нормы, права и обязанности субъектов правовой информации» [7, с. 280]. Приведенная цитата – это первый шаг в процессе действия механизма права. Оставляя в стороне соображения о чрезмерно сложном характере текста, проблему можно усмотреть уже в том, что здесь что ни термин, то целая система идей, представлений, причем часто противоречивых, не имеющих единого толкования. Так, слово «текст» несет чрезвычайно сложную смысловую нагрузку, в том числе и такую, как «конституирование права как такового». Но механизм такого рода конституирования ясен лишь в предельно общем, абстрактном виде. Понятие «интерпретация» требует долгого теоретического анализа (что и осуществляют авторы коммуникативного подхода в своих работах), так как речь идет не только об уяснении смысла (смыслов), но и понимании правовой реальности. Каким образом здесь можно найти консенсус, сказать сложно. Слово «когнитивный» теряет свой первоначальный смысл как «теоретико-познавательный» (процесс, явление) и трактуется как «виртуальный». Таким образом, возможность адекватного осмысления терминов проявляется лишь в ходе их сопоставления, четкого определения понятий, словом, привлечения, использования сугубо рационалистических процедур. Но в том-то и вопрос, что как раз рационалистические процедуры авторами коммуникативного подхода объявляются недостаточными, что, вообще-то, понятно в условиях обращения к методологии герменевтического, феноменологического характера. Отсюда определенная смысловая напряженность, возникающая при попытках адекватного осмысления и интерпретации (в классическом понимании) анализируемого текста.

Однако важно и иное. На наш взгляд, привлечение внимания к возможностям именно таким образом «прочитанного» интегративного подхода и именно такой методологии все же позволяет найти новые подходы к теме, обнаружить эвристические возможности нового уровня и характера. Это и расширение эвристических возможностей субъекта познания, субъекта права, и понятное в русле данного подхода стремление ограничить сферу действия государства, государственного регулирования за счет усиления роли общественных, гражданских институтов, и привлечение исследовательского потенциала (методов, методологий) ряда дисциплин, которые ранее фактически не рассматривались в сфере права (например, семиотики), введение в научный оборот достижений постнеклассической науки. Так, например, трактовка механизма действия права не только как нормативно-поведенческого правового механизма, но и как «социопсихического» механизма действия права позволяет привлечь более пристальное внимание к проблемам ценностного восприятия социальной действительности, возможности придания им правового значения. Конечно, «правовое моделирование» как первый этап правового регулирования может быть рассмотрено как парафраз издания правотворческими органами нормативных актов. Ведь авторы коммуникативного подхода открыто признают ведущую роль государства в процессе такого рода. Но акцент на «социопсихику» позволяет расширить границы его понимания, «очеловечить» процесс правового

регулирувания, допуская в ряде случаев приоритет не государства, а субъекта в ходе регулятивного воздействия права на личность и общество. Кроме того, уже сейчас видна связь между построением элементов правовой системы и психологическими механизмами, мотивами поведения людей, связь между запретами, разрешительными актами и социальными явлениями, что можно отнести к социальному механизму действия права. Или, с другой стороны, в чем смысл понимания «актуальной социальной нормы» как важной части правового регулирования? Очевидно, что здесь на первом месте именно субъективный фактор, подчеркивание важности активной и сознательной «включенности» субъекта в регулятивный процесс. Здесь присутствует и мысль, уже разрабатываемая юристами (С.С. Алексеев), согласно которой право может находиться в оппозиции к государству, существует в противоборстве с государством [8].

Высказываемая в классических монографиях, учебных пособиях мысль о том, что «норма права – это основа, двигатель всего механизма правового регулирования» [3, с. 491], вовсе не кажется адептам коммуникативного подхода безукоризненной. «Создание субъектом правовых моделей», например, должно подчеркнуть приоритет собственно процесса правового регулирования, а не его «стагнационных», «формализованных», «доктринальных» видов. То есть в основе лежит движение, развитие, постоянное видоизменение, а норма права в этой конструкции выглядит «догматическим образованием». К норме права надо придти, а не получить ее в готовом виде. Значимость нормы определяется «интерсубъективным взаимодействием членов общества», ее структура связана не только с логическим содержанием (что она предписывает), не только ценностным значением, но и «текстуальной привязанностью» (отсылка к тем или иным правовым текстам). Вообще следует заметить, что открытого теоретического протеста против понимания нормы права как двигателя механизма правового регулирования мы не найдем. Более того, в текстах сторонников коммуникативной теории достаточно часто отмечается, что «механизм действия права состоит из общих и индивидуальных правовых норм, правовых фактов и правовых отношений». Некоторые затруднения в понимании возникают в процессе конкретизации этого аспекта интегративного подхода. Так, например, утверждается, что «под механизмом правового регулирования, механизмом действия права в узком смысле можно понимать структуру поведенческой правовой коммуникации» [6, с. 279]. Но как соотносить это положение с предыдущим утверждением, надо ли считать эти тезисы содержательно тождественными? Причем и первое, и второе утверждения стоят в тексте рядом. На наш взгляд, здесь необходимо разъяснение, «разведение» смысловых блоков, поскольку неясно, что считать в механизме правового регулирования первичным, а что вторичным. В общем и целом можно признать обоснованным тот теоретический посыл авторов коммуникативного подхода, в рамках которого общество рассматривается как система коммуникаций, что означает подчинение членов социума общим для всех правилам поведения. Однако когда намечается смысловое отождествление механизма действия права как «структуры правовой коммуникации» и как «правовых норм и отношений», то это вызывает потребность в дополнительной теоретической аргументации.

Важную роль в представленной концепции играет вопрос о методах правового регулирования. «Это методы, – как пишет один из адептов коммуникативной теории А. Поляков, – направленные на установление правовой коммуникации, они определяются предметом правового регулирования, то есть многообразием соответствующих общественных отношений. Отношения в первой группе – это отношения между собственниками. Возникающие в этой связи правовые коммуникации должны иметь диспозитивный, диалогический характер. Отношения во второй и третьей группах – это отношения между властвующими и подвластными. В соответствии с этим в теории права выделяют два основных метода нормативно-правового регулирования: централизован-

ный (императивный, авторитарный) метод и децентрализованный (автономный, диспозитивный) метод» [5, с. 613]. Метод централизованного регулирования основывается на отношениях субординации, властеподчинения. При помощи данного метода регулируются отношения между государством и частными лицами. Метод децентрализованного регулирования основывается на координации отношений между субъектами, которые находятся в юридически равных отношениях. Данный метод используется для регулирования частноправовых отношений.

Попробуем проанализировать высказанные теоретические соображения. Вообще, разговор о методах правового регулирования носит характер теоретической новизны и не только потому, что они (методы) направлены на «установление правовой коммуникации». Здесь ведь главное состоит в том, что методы, по мнению А.В. Полякова, определяются предметом правового регулирования, а мы уже выше отмечали, что понимание предмета правового регулирования в коммуникативном подходе носит характерные «коммуникативные» черты. То есть примененная методология определяет и характер методов. Надо полагать, что здесь отсутствует традиционная трактовка методов по критерию «общенаучность» или «специфичность». Здесь иная сверхзадача, связанная с тем, что иерархия методов формулируется не в связи с непосредственно исследовательскими задачами, а задачами регулятивного характера. Отсюда централизованный (императивный) и децентрализованный (автономный) методы. Это методы не исследования, а регуляции, однако от этого влияние на них основных постулатов коммуникативной методологии нисколько не уменьшается, не снижается. То есть речь идет о том, что в основе процесса регуляции лежат «коммуникативные», что значит диалогические, как минимум, процессы. Речь идет и о том, что отношения «властеподчинения» уравниваются отношениями между субъектами, причем оба этих процесса носят «равнозначный» в правовом смысле характер. Таким образом, достаточно последовательно реализуются и основные методологические постулаты.

Известная формула А. Полякова (методы правового регулирования – это методы, направленные на установление правовой коммуникации) устанавливает необходимые приоритеты. То есть если в этатистской теории метод правового регулирования связан с воздействием на общественные отношения, прежде всего со стороны государства, то здесь совсем иная доминанта. Для того чтобы уточнить, какая именно доминанта, приведем один пример «коммуникативных» рассуждений. Поскольку право не может регулировать все отношения, существующие в обществе, в ее сферу должны входить те отношения, которые объективно требуют правового внимания. Здесь все традиционно. Но далее adepts коммуникативного подхода полагают следующее: данный процесс не является исключительно рациональным и контролируемым. Цитируя известные стихотворные откровения: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...», они утверждают, что процессу регуляции могут существенно помочь синергетика, текстология и т.д. Каждое общественное отношение имеет свое место в иерархии социальных ценностей, оно может быть смоделировано в текстуальной норме и переведено на язык субъективных прав и обязанностей. Отбор юридических текстов, их легитимация осуществляется не государством, а всем обществом, поэтому правовое регулирование выглядит как саморегулирование. И здесь процесс не исключительно рациональный, поскольку понимание собственно общества предполагает наличие спонтанных, самопроизвольных сил, «управляемого хаоса», наличия синергетических точек бифуркации и т.д. Круг замкнулся: первоначально речь шла о приоритете «коммуникативной» методологии, подтверждением основательности ее фундаментальных положений анализ и завершается.

В заключение отметим, что авторами коммуникативного подхода внесены существенные коррективы в понимание механизма правового регулирования. Это связано,

во-первых, с трактовкой основных элементов данного механизма. Выдвигая на первый план не правовую норму как нормативное основание правовых отношений, а создание текстуальных правовых моделей, осуществляется выбор принципиально иной методологии, основанной на постнеклассическом знании. Во-вторых, предлагая собственную иерархию методов правового регулирования, сторонники коммуникативного подхода апеллируют к таким основополагающим категориям, как синергетика, бифуркация, управляемый хаос и иным. Суть вопроса здесь в том, что подобный подход расширяет возможности правовой науки, в этом сомнений нет. Сомнения могут появиться тогда, когда речь пойдет о конкретных механизмах реализации поставленных задач, поскольку, например, подчеркнутая внерациональность осуществляемых подходов (в том числе вне рациональных подходов) вступает в противоречие с необходимостью эти задачи решать именно рациональными средствами и способами. В-третьих, перед нами попытка соединить уже известные подходы, теории, концепции с коммуникативным подходом. То есть, с одной стороны, говорится и утверждается то, что является общепринятым в науке о праве. Например, это специфика социального регулирования, анализ ценностных аспектов поведения, характеристика некоторых способов и типов правового регулирования и т.д. Вместе с тем привносятся новые идеи, которые призваны дополнить имеющееся знание. Здесь вопрос, конечно, в том, насколько удовлетворительно осуществлен такого рода синкретизм. На наш взгляд, однозначная оценка здесь – дело будущего. Вопрос ведь в том, насколько приемлема в целом постнеклассическая модель знания. Для отечественной традиции была и остается характерной такая деталь, как более позднее, чем западноевропейское, восприятие новых подходов. Но это вопрос не «правовой хронологии». Дело в конкретной разработке методологии, механизмов ее применения на практике, где еще многое предстоит сделать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гойман, В. И. Действие права (Методологический анализ) / В. И. Гойман. – М. : Акад. МВД РФ, 1992. – 180 с.
2. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – С. 672.
3. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатюк, В. А. Кучинский. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. – 640 с.
4. Дробязко, С. Г. Общая теория права / С. Г. Дробязко. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.
5. Поляков, А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход / А. В. Поляков. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 845 с.
6. Поляков, А. В. Общая теория права : учеб. пособие / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд-во юрид. факультета, 2005. – 472 с.
7. Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма / А. С. Яценко. – СПб. : Алетейя, 1999. – 254 с.
8. Алексеев, С. С. Право: время новых подходов / С. С. Алексеев // Сов. гос-во и право. – 1991. – № 2. – С. 3–11.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.01.2015

Lepeshko A.B. On the Question of the Subject Matter and the Method of Legal Regulation in the Context of the Postnonclassical Science

The categories of «action of law» and «legal conflict» are analyzed in the article, their essential features are revealed, the place occupied by these categories in phenomenological-communicative approach is characterized. Some aspects of the mechanism of legal regulation of social and legal relations are analyzed; conclusions about the position occupied by communicative approach in law in the methodology of law and in general theoretical knowledge are enunciated.